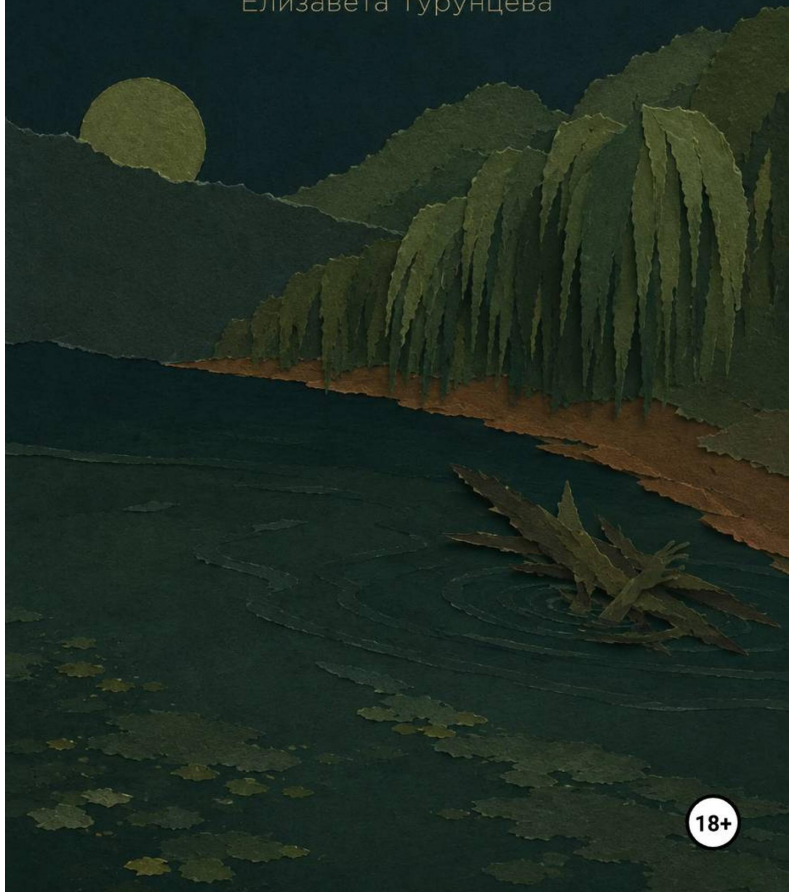

НЕВИДИМЫЙ

Елизавета Турунцева

18+

Елизавета Турунцева

Невидимый

<https://litres.ru/74049713>

SelfPub; 2026

Аннотация

Летом в посёлке Глазово — некогда образцовом советском ПГТ, а теперь месте, где всё давно пошло не так — находят тело. Убийство произошло в темноте у заросшего пруда, где раньше плавали лебеди, а теперь топят мусор. Пропажу человека никто не заметил.

Участковый, для которого это первое настоящее дело на месте, должен пробиться через равнодушие жителей и удобную версию про банду подростков, чтобы понять: убийца — человек, которого здесь все знают.

«Невидимый» — детектив о том, как безразличие делает людей призраками ещё при жизни.

Содержание

Глава 1

4

7

Елизавета Турунцева

Невидимый

— Мужик, ты чо! Совсем берега попутал! А, ну, отстегни свои железки!

Остановка встрепенулась от криков пацана в зеленых штанах с карманáми, черной футболке, камуфляжной ветровке и желтой шапке, выше ушей и с сигареткой, спрятанной за ее борт. Пацана за плечи тащили к серебристому внедорожнику, подтолкнули к водительской двери и пристегнули наручниками к ручке двери.

— Я тя по-хорошему предупреждаю: если ты, дятел..

— В бубен дашь? Рискни! Но сперва, Сальников Вячеслав Валерьевич, 1995-го года рождения, тебя ждет 15 километров трусцой. А там, посмотрим, какой ты смелый.

Люди с остановки вышли на проезжую часть, разинув рты и прищурившись. Никто и не думал вмешиваться. Ими двигали жар любопытства, жажда сплетен.

— Ты из этих чтоль, — пацан сморкнул и смачно плюнул прямо под ноги мужику. — Мусор. Да тебя за превышение должностных полномочий вздрючат — гля, шалупонь снимает доказательства мне для суда.

— Во-первых, я не при исполнении, — мужик подошел в плотную к парню, схватил его за спинку куртки и притянул к себе. — Во-вторых, это ты — мусор. И срок грозит тебе — за массовые нападения и избияения, умышленные нанесения тяжких телесных, угрозу убийства.

— Че, ладно ли!

— У тебя есть два варианта, — мужик натянул куртку парня как вожжи, приказав молчать. — Заняться физкультурминуткой с легким стимулирующим эффектом, — он похлопал по капоту машины; или сразу на допрос в отделение — не наше, городское.

Савка оглянулся по сторонам, зло зыркнул на десятилеток, снимавших на телефон, те сразу же убрали камеры и скрылись за остановкой. Пацан свободной рукой снял шапку, комком засунул в карман куртки. Прохрустел шеей и тихо, прижав подбородок к шее, сказал:

— Первый.

— Вот и чудненько! — широко улыбаясь, мужик отпустил куртку парня, поправил на ней складки, повернулся к машине и обратился к пожилой женщине, уже начинавшей было делать скромные шаги в их сторону.

— Нин Васильевна, доброго вам дня! Все в порядке: плановые воспитательные беседы с молодежью. Не беспокойтесь, граждане!

Мужик сел в машину, взял с пассажирского сиденья бутылку воды и протянул через открытое окно парню:

— На. На светофорах пей, не давьсь, — завел двигатель и тронулся.

Машина выплюнула на людей на остановке серый жидкий чадящий дым. Но и это не оживило их, они продолжали смотреть вслед серому седану, уезжавшему в город со скоростью не больше 25 километров в час. Десятилетки судорожно строчили сообщения друзьям, скидывали видео, записывали голосовые: «Сивого залутал легавый».

Первой оживилась старушка Нина Васильевна с сумкой на колесах, из которой торчали цветы и головки чеснока:

— А это, случаем, не наш участковый был? Как бишь его...Катаров?

Глава 1

Мужчина тридцати семи лет вышел из машины, пригладил русые с белёсой проседью волосы и захлопнул дверь машины. Ровным шагом, несколько нехотя направился к розово-белому двухэтажному зданию. В Глазово оно было одним из самых главных: выдавали зарплату работникам местных ферм и фабрик, здесь же их и увольняли, стоял единственный в посёлке банкомат, здесь же находилось почтовое отделение, которое работало два раза в неделю по три часа. В этом же здании за железной дверью начиналась кабинетная развилка: направо пойдёшь — ремонт обуви и ателье найдёшь, налево пойдёшь — местный спиртоводочный «Солодыч» встретишь, прямо пойдёшь — в полицию попадёшь.

Каждый раз открывая среднюю дверь, Катаров усмехался такому соседству. Зато владельцы ателье и магазина спали спокойно. Разве кто захочет проблем с законом прямо у закона под боком.

Дверь на работу была открыта нараспашку. Юсупов уже пришёл.

Лёша Юсупов появился в отделе полтора месяца назад. Закончил нижегородскую полицейскую академию с отличием и вернулся в родной посёлок блюсти порядок. Двадцатитрёхлетний парень с синдромом отличника, всегда отутюженными со стрелкой брюками и рапортами, проверенны-

ми раз по пять. Такие как Леша, великолепные теоретики, столкнувшись с практикой, разочаровывались и, либо уходили с работы, либо становились циничными. Впрочем, у Лёши был один неоспоримый плюс: он всё ещё жил с мамой.

Альбина Павловна Юсупова знала о Глазово всё. Она была в числе первых, кто заехал сюда, прожила в поселке всю жизнь и была знакома с каждой второй семьёй. По природе своей источала добродушие и доверие такой силы, что люди без задней мысли выкладывали ей все, что лежит на душе. Иной раз с лишком.

Лёша умел спросить у неё буднично и по-семейному: «Мам, помнишь Петрова из старой части?» — и Альбина Павловна выдавала всё, что знала: родословную, биографию, собственные воспоминания и свежие непроверенные сплетни, мешая все это экспертной оценкой и вздохами одобрения или сожаления. Катаров сразу решил, лучшего информатора в Глазово нет.

Сам Катаров был не местным. Городским. Его направили сюда несколько лет назад во время очередной антикоррупционной волны смены кадров. Предыдущий участковый был местным, и ему не хотелось то ли сдавать своих, то ли от магарыча отказываться. В общем, Глазовский отдел показывал малую эффективность.

Придя на его место, Катаров попытался навести порядок. Но наводить было негде: ни уголовных, ни административных дел не заведено, заявлений на рассмотрении тоже не

было. Только спустя пару месяцев буквального просиживания штанов Катаров понял: люди здесь, хоть и приветливые, дружелюбные, но совершенно не открытые. Потому Катаров смотрел на Юсупова и его энтузиазм и думал: в нужном бы отделе – цены не было бы. А в Глазово что?

Поселок действительно жил по собственным негласным законам и порядкам мироустройства. Появившись в 80-е, как экспериментально-показательный, чтобы утереть нос иностранным делегациям, — смотрите, как советский рабочий человек может жить; сейчас он держался на старой памяти о былой красоте и редких усилиях энтузиастов.

Рай на земле просуществовал десять лет. А с развалом СССР и последующими непростыми 90-ми, нулевыми начал меняться, превращаясь в обычный ничем не примечательный пригород, которым перестают дорожить.

Здесь и по сей день остались частные дома с большими придомовыми участками, садами и огородами. В них, как правило, живут старички — из числа первых глазовцев — и их дети. Другие семьи, помоложе, обосновались в основной части поселка с многоквартирными домами с городской планировкой и всей инфраструктурой под боком: магазины, детский сад и школа, больница, правда, с закрытым стационаром, Дом культуры. Была в поселке и старая часть, где еще до показательного эксперимента находилась маленькая деревушка. Такие дома в этой части и остались — деревян-

ные, покошенные, на две семьи.

Но самое прекрасное в этом поселке — его сердце — искусственно созданный, оттененный рядом широких ив, пруд. На одном его берегу дамба с мостиком, на другом — рогоз, где по весне находили дом утки. В лучшие летние времена глазовцы плавали в пруду, устраивали на берегу пикники, катались на лодках; зимой энтузиасты расчищали снег и катались на коньках. Сегодня пруд обмелел — вода ушла на три метра от изначальных берегов, песчаное дно заволокло илом, заросло водорослями. Лебеди, которые прилетали раз в несколько лет, больше не появляются. Зато ондатры обжились.

Но люди всё равно приходят к пруду. Рыбаки — больше для процесса, улов скармливают дворовым котам, людям — не безопасно; компании — посидеть под тенью ив с мангалом, кальяном, выпивкой; семьи с детьми — пожарить шашлык на берегу и поиграть в мяч.

Глазово и сейчас — неплохое место. Здесь тихо, иногда даже свежо. Все друг друга знают и даже не стесняются выходить в неглиже полить огород или забрать почту. Старшие по старой привычке знают друг о друге, о соседе, о враге все: у кого болеет мать, у кого сын вернулся из армии, кто у кого сколько занял и как давно не отдает, кто когда умер, а кто не навещает родственников на кладбище. Их дети более закрытые, внуки — практически безучастные. У всех свои заботы, своя жизнь, свой порядок.

Катаров проработал здесь несколько лет и понял, что в Глазово, несмотря на всеобщую любовь к любопытству и сплетням, не выносят сор из избы и не сдают своих. Никто не вмешивается в жизнь друг друга. А если кто-то неделю не появляется, значит, загулял, ушел в запой или нашел новую «невесту». К этому привыкли настолько, что перестали тревожиться и обращать внимание, пока не произойдет что-то совершенно незаурядное.

— Доброе утро, Кирилл Александрович! Крепкий горячий кофе — на столе и... план работы на неделю. Считаю, что наша главная проблема — в недоверии граждан, — подсказывая и поправляя фуражку с ремнем, трещит Юсупов.

Катаров медленно подошел к своему столу, бросая куртку на спинку стула, оттягивая ворот рубашки, — жара будет измываться над ними еще неделю. Прямо перед настольным вентилятором стояла тарелка, накрытая полотенцем с алыми розами и надписью «С 8 марта». Катаров приподнял бровь, повернулся к Леше. Он тараторил, не смолкая:

— Сколько фильмов и сериалов создано про продажных полицейских, про неэффективность работы, про равнодушие в погонах, в конце концов. Буквально каждый канал телевизора этим нашпигован! Маменька вчера в очередной раз смотрела — два сериала одновременно, переключая каналы... Кстати, там на столе от нее — посикунчики с рыбой, что ли. Я поставил под вентилятор, чтобы не испортились от

жары. Так, вот, в одной серии...

Катаров не стал его останавливать. За полтора месяца он понял: парню надо дать выпалить все, что он придумал, иначе рано или поздно взорвется: перейдет на официальный тон общения и будет в день сдавать по 10 юридически выверенных протоколов о каждом своем шаге (даже разгоне стаи собак от дворовой кошки) и просьбой дать профессиональную оценку его деятельности.

Катаров заглянул в план на неделю: обход неблагонадежных граждан, патруль увеселительных точек, открытый урок в школьном лагере, визит на сельхозпредприятие и проверка документов мигрантов, рейд на «баню», встреча с гражданами в ДК с лекцией «Доверие к полиции».

— Леш-а, а ты не перегнул с просветительской деятельностью?

— Я же говорю, Кирилл Александрович: нам надо поднимать уровень доверия граждан. Начнем с малого: школьники, пенсионеры. А потом, опомниться не успеете, Кирилл Александрович, — к нам люди потянутся! Мы не только эффективность отдела поднимем, но и показатели раскрываемости, да чего мелочиться — лучшими в районе станем!

— «И тут Остапа понесло!» Оседлай свой энтузиазм и направь в дело: что у нас по банде нападавших? — Кирилл Александрович переставил посикунчики на общий стол.

Юсупов бодро подошел к нему, сел на стул, обняв его спинку и широко расставив ноги, — закинул один пирожок

себе в рот, схватил еще один и жестикулируя руками, пылко ответил:

— Ни-че-го, – в рот полетел еще второй посикунчик. — К тому же, шеф, как грится, «нет тела — нет дела». В нашем случае: нет заявления — нет дела.

— А как же «доверие граждан к погонам», — усмехнулся Катаров, испытующе взглянув на Лешу. Тот проглотил недожеванный пирог, поперхнулся, выпрямился — посерьезнел, как на экзамене.

— Кирилл Александрович. Я уверен, вы сами прекрасно это знаете, но согласно статье один-четыре-один уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, анонимные заявления — не повод для возбуждения уголовного дела. А сплетни — подавно.

— А согласно статье три-четыре-пять человеческого кодекса: мы не можем ходить по школам и пенсионерам, пока в поселке 4 нападения на местных мужиков, — строго ответил Катаров.

— Вообще-то пять, — Леша положил подбородок на спинку стула, обвинил его руками и посмотрел на начальника исподлобья. — Мама сказала, что вчера, вроде как, напали на Савельича, то есть Дмитрия Савёлова, 1978 года рождения. К маменьке зашла соседка снизу – ей рассказала продавщица «16-го», которой и позвонила жена Савельича, вся в слезах.

— И хоть бы один обратился в полицию! Етить твою! А

ты, товарищ Юсупов, когда планировал об этом доложить?! — Катаров всегда переходил на официально-панибратский тон, когда злился или раздражался на Лешу. — Продолжить доклад!

— Так точно! Савельич около девяти возвращался из мастерской своей — в гаражах мебель ремонтирует, реставрирует, сколько-то продает. Работал дольше обещанного, зашел в магазин, и пошел по тротуару вдоль пруда. А там, сами знаете, фонари раз через три работают. Закурил. Из кустов со спины набросились двое: один ударил кулаком по печени, другой ногой — под коленку. Тут подбежали еще двое — Савельич говорит, полторашки — начали колотить. А у него давление уже, да и долго работал на полусогнутых — равновесие потерял, повалили на спину. Он бровь рассек о бордюр. Жена его в слезах: еще чуть-чуть и мог хребет сломать или виском шандарахнуть. Ну, это я цитирую — не по уставу. Нападавшие увидели фары поворачивающей машины и в рассыпную. Как всегда, ничего не взяли, только побили. Савельич теперь носа из квартиры не показывает, жену материт: растрезвонила всем, что ее супружника — мужика в разгаре лет и сил, бывшего кандидата в мастера спорта — какая-то шпана малолетняя побила. А она ревет, бровь ему обрабатывает и толдычит, что он кмс по лыжным гонкам, а сейчас — разгар июля. Это все, что маменька рассказала.

Все это время Катаров конспектировал рассказ Лешки, сведя брови к единой точке. Ему очень не нравилось, что тво-

рится на улицах Глазово. Не столько потому, что он борец с преступностью и должен разгрести эту ситуацию, сколько потому, что никто никому ничего не говорит, но все всё знают.

— Трескучий случай. И опять ни свидетелей, ни подозреваемых, ни официально жертвы?

Юсупов, снова нервно жуящий посикунчики, активно закивал.

— А что мой любимый информатор, Альбина Павловна, говорит?

— Что некоторые мужики — из группы риска — купили биты и кастеты.

— Плохо, очень плохо, — Юсупов исступленно посмотрел на Катарова. Пришлось объяснять, — Если банда малолеток еще может «откосить» от наказания, особенно без заявления и жалоб. То самосуд над «полторашками» — это уже 35-я, 330-я и от 111-ой до 115-ой.

— Итого: до 15 лет лишения свободы всем жертвам подросткового бунта, — гордо выдал Леша, оперативно сосчитав сроки по совокупности, и победоносно закинул в рот еще один пирог.

В этот момент дверь отдела полиции впервые за несколько месяцев скрипуче задрожала и в нее ворвалась пара молодых людей: девушка сопливыми кулаками размазывала тушь по щекам, молодой человек держал ее, сумку и букет поникших ирисов.

Девчушка дрожа рухнула на стул и на перебой со всхлипами пыталась что-то сказать:

— Мы сидели на пруду...и у дамбы...там, ну...там, — подлетевший Юсупов, встав на корточки перед ней, вложил в руки стакан с водой и салфетки.

Воспользовавшись тишиной парень открыл на смартфоне галерею, ткнул на последний снимок в череде трогательных селфи, увеличил масштаб и протянул Катарову:

— Рука. В воде.

Катаров схватил телефон, всмотрелся. Мусорные мешки, привычные для прудного пейзажа детали, развивались на корягах и ветвях кустарника. Он увеличил кадр еще больше: под мусорными мешками, на изгибе коряги лежала сине-фиолетовая ладонь.

Взглянув из-за спины Катарова на экран телефона, Леша побледнел:

— Мать Божья...труп?!

Сквозь оглушающее оцепенение Юсупов слышал командный голос Катарова: сигналку, протоколы, телефон, камеру. Подойдя к Леше шеф шепотом добавил:

— Нашатырь возьми, если там полноценное тело, девчонке худо станет, — и без вопроса обратился к паре, — Место покажете. Будете понятыми. По коням!